306 НВ

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 26 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ 1915 25 ІЮНЯ.

Рис. Н. Р.

ЕДИНЕНІЕ.

(Этотъ рисунокъ съ любовью и уваженіемъ посвящаемъ П. П. Рябушинскому.)

Купецъ: — Пусть дымъ фабрикъ соединится съ дымомъ пушекъ, — это будетъ страшнѣе ядовитыхъ газовъ.

Философскій факультетъ Берлинскаго университета поднесъ маіору Максимиліану Бауэру, одному изъ изобрѣтателей 42-сантиметровой пушки, дипломъ на званіе почетнаго доктора философіи. *(Изъ газетъ.)*

Рис. Ре-ми.

М. Бауэръ: — Конечно, я достоинъ этого званія! Чтобы убить человѣка, скажемъ, Кантомъ, надо переплесть книгу въ толстый желѣзный переплетъ, долго бить и рвать прекрасныя страницы... А мой аппаратикъ, наоборотъ, — самъ вписываетъ прекрасныя страницы въ исторію цивилизаціи Германіи.

НАШЪ КАЗАЧІЙ ХРАБРЫЙ ПОЛКЪ.

Нашъ казачій храбрый полкъ
Имени Суворова
Въ ратномъ дѣлѣ знаетъ толкъ
И дерется здорово.
Наши кони-маштаки
Хорошо испытаны —
Сами лѣзутъ на штыки,
Бьютъ врага копытами.
Хочешь — кинешь повода,
Даже не оступится!
Наша шашка никогда
О врага не тупится.
Наша пика — ровно гвоздь
Подъ рукой умѣлою:
Либо въ мякоть, либо въ кость —
Подъ орѣхъ раздѣлаю!

Это было при рѣкѣ,
Въ Западной Галиціи...
Мы стояли въ тальникѣ
Въ полной амуниціи.
Впереди драгунскій полкъ
О плечо съ пѣхотою
Отбивался, словно волкъ,
Штыковой работою.
Вдругъ, откуда ни возьмись,
Вражеская конница:
На карьеръ смѣнила рысь,
Да къ драгунамъ клонится.
Пріукрыла сразу степь
Бѣлыми султанами
И легла на нашу цѣпь
Алыми кафтанами.
Загорѣлось, какъ огонь,
Сердце подъ рубашкою:
— Ну, станичники, на конь! —
Звякнулъ сотникъ шашкою.
Эхъ! Не гнуться казаку,
Словно въ полѣ тополю!
Кинулъ поводъ на луку
Да стрѣлою по полю!
Далъ свободу палашу,
Гикаю съ охотою,
Въ кашу головы крошу,
Пикою работаю.
Проложилъ кровавый путь
Я руками ярыми:
Два часа мы грудь-о-грудь
Рѣзались съ мадьярами.
Гнули, мяли ихъ, какъ воскъ,
Навели ревизію:
Баютъ, выломали въ лоскъ
Цѣлую дивизію!
Послѣ вышелъ командиръ,
Глянулъ, крякнулъ: «Вотъ оно!
Поддержали свой мундиръ!
Здорово сработано!
Хоть и звали насъ всегда
Скиѳами да гуннами,
А безъ насъ — была бъ бѣда
Съ нашими драгунами!»
Нашъ казачій храбрый полкъ
Имени Суворова
Въ ратномъ дѣлѣ знаетъ толкъ
И дерется здорово!

Владиміръ Воиновъ.

ИСТОЧНИКИ.

Одинъ французскій ученый занятъ сейчасъ изслѣдованіемъ тѣхъ правовыхъ источниковъ, которыми пользовались нѣмцы, оправдывая на бумагѣ всѣ свои поступки. Это будетъ — пишутъ газеты — цѣлый томъ какихъ-то злыхъ пародій на международное право, особое нѣмецкое право, которое, быть можетъ, потомъ будетъ разбираться наукой какъ результатъ юридическаго оправданія беззаконій.

Мнѣ хочется придти здѣсь на помощь ученому дружественной намъ націи и указать ему нѣсколько такихъ источниковъ.

Объявленіе войны было составлено по объявленію одной изъ фирмъ, разсказывающему тяжелую исторію молодого человѣка, четыре года страдавшаго всякими болѣзнями и излѣчившагося, благодаря нѣсколькимъ пріемамъ изготовленнаго фирмой эликсира.

— Моя мать была страдалица, — писалъ Вильгельмъ знакомымъ властителямъ государствъ — ее безпокоили англичане. Мой отецъ былъ тоже страдальцемъ: его мучили французы. Я тоже родился страдальцемъ: меня безпокоили всѣ. И только теперь, обратившись къ уважаемому средству г. Круппа, я почувствовалъ значительное облегченіе; головныя боли прекратились, пищевареніе прекрасно, появились даже патріотическія манифестаціи. Прошу еще выслать мнѣ этого средства.

Не получая сочувственныхъ отвѣтовъ изъ-за границы, государственный канцлеръ повторныя письма составлялъ по «Дѣловому письмовнику»:

— М. Г.! Не получивъ вашего досточтимаго отвѣта на наше уважаемое письмо, осмѣливаюсь напомнить...

Такой-то.

Изъ-за границы стали приходить отвѣты, предъ которыми вся убѣдительность дѣлового письмовника пала и становилась безсильной. Требовались вѣскія слова народной мудрости.

Государственные люди ходили по улицамъ и вступали въ разговоръ съ народомъ.

— Торговка, — хмуро обращался государственный человѣкъ къ незнакомой женщинѣ съ лоткомъ яблокъ, — чья ты дочь?

— Мамина, — робко отвѣчала торговка.

— Ты дочь Германіи, — сухо поправлялъ государственный человѣкъ, — а теперь сюда хотятъ придти англичане.

— Мы этимъ не занимаемся, — уклончиво отвѣчала торговка.

— Они отнимутъ у тебя Германію.

— М-да... Яблочковъ, можетъ, желаете, господинъ?

— У тебя есть дочь? Есть? Они выколютъ ей глаза.

— Бѣдная дѣвочка, — начинала всхлипывать торговка.

— А сынъ есть? Тоже есть? Ему ноги вывернутъ. Можетъ, руки — я точно не знаю. Что съ ними дѣлать?

— Боже, покарай Англію, — убивалась торговка.

— Запишите, — говорилъ секретарю государственный человѣкъ, — такъ и отвѣтимъ имъ: «Боже, покарай Англію».

Государствамъ, которыя жили богемной жизнью и занимали на завтрашній день безъ отдачи, дипломатическія письма составлялись по сборнику популярныхъ шансонетокъ.

Болгаріи было послано просто:

— Каролина! Каролина! У меня есть пять рублей!

На что Болгарія отвѣтила почтительно, но по той же системѣ:

— И хочется, и колется, и мама не велитъ!

Бетманъ Гольвегъ, подумалъ и написалъ въ Софію:

— Ахъ, да пускай свѣтъ осуждаетъ...

Для большей убѣдительности самъ Вильгельмъ написалъ сбоку:

— Со мною всякій забудетъ сплинъ,
На это масса, друзья, причинъ...

Изъ Болгаріи пришелъ отвѣтъ по задачнику для младшихъ классовъ:

— У трехъ мальчиковъ было восемь грушъ. У одного было четыре, у другого тоже четыре, у третьяго ничего не было. Спрашивается, сколько разъ ударили третьяго мальчика, когда онъ вступилъ въ дѣлежъ?

Вильгельмъ хотѣлъ отвѣтить величаво и даже написалъ въ Софію:

— Выступай, горделивая Софія.

Но потомъ раздумалъ, зачеркнулъ и послалъ:

— Подожди, Сонька.

Переговоры съ Австріей носили, конечно, интимно-дружескій характеръ, но велись по образцу счетовъ изъ прачечной.

— За денежную помощь въ трудное время...
8 вліяній на Балканахъ, мужскихъ...
11 вліяній у сосѣдей, женскихъ...
2 дѣтскихъ шума о мобилизаціи...
Перемываніе грязнаго бѣлья Сараевской трагедіи...

Итого — число выступленія.

Францъ-Іосифъ въ силу преклоннаго возраста отвѣтилъ уклончиво, по дѣтской хрестоматіи:

— Разъ, два, три, четыре, пять, вышелъ зайчикъ погулять, вдругъ охотникъ выбѣгаетъ, прямо въ зайчика стрѣляетъ. Пифъ-пафъ, ой-ой-ой...

Никакого руководства подъ руками не было, поэтому изъ Берлина пришелъ отвѣтъ непосредственный и искренній:

— Ты, лысый зайчикъ... Молчалъ бы раньше, а теперь поздно. Ойкать послѣ будешь. Ты у меня потанцуешь...

Францъ-Іосифъ испугался, просмотрѣлъ книжки дворцоваго эконома и выбралъ оттуда самое характерное. Послалъ срочной телеграммой:

— Симъ обязуюсь.

Обращеніе къ султану было написано при помощи примѣрнаго договора акціонерныхъ обществъ:

— Располагая капиталомъ въ N милліоновъ рублей, предлагаемъ вамъ, М. Г., присоединиться къ нашей фирмѣ, уже успѣвшей себя зарекомендовать въ области... Подробности письмомъ.

Султанъ отвѣтилъ, какъ молодой, но уже извѣрившійся въ издателяхъ, репортеръ уличныхъ происшествій:

— Деньги впередъ. И еженедѣльно по субботамъ.

Для срочнаго отвѣта Вильгельмъ воспользовался рукописнымъ спискомъ анекдотовъ, случайно найденнымъ въ столѣ у кронпринца и спрятаннымъ туда отъ жены, въ силу яркости анекдотической фабулы и стиля.

Постепенно во время войны оправдательные и руководящіе источники мѣнялись.

Когда былъ предъявленъ текстъ договора о нейтралитетѣ Бельгіи, Вильгельмъ долго рылся въ сборникѣ народныхъ пѣсенъ и, подчеркнувъ какое-то мѣсто, подъ договоромъ выписалъ:

— Рука моя писала, не знаю — для кого...

По поводу Реймсскаго собора отвѣтъ былъ взятъ почти цѣликомъ изъ сборника прошеній, подаваемыхъ на разсмотрѣніе мировыхъ судей.

— Отказываясь вознаградить потерпѣвшаго за убытки, коихъ не признаю, дѣло слушаніемъ прошу отложить. Жительство имѣю тамъ-то.

Для отвѣта на американскую ноту по поводу «Лузитаніи» былъ призванъ на помощь какой-то забытый нѣмецкій беллетристъ, писавшій лирическіе стихи въ прозѣ около шестидесяти лѣтъ тому назадъ.

— «Лузитанія... Вотъ она плыветъ по морю... Море... Дивное море. Свѣтитъ солнышко. Летятъ чайки... О бѣлокрылыя чайки, какъ вы хороши!..»

— Отвѣчайте прямо, — предложили американцы.

Всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ оперлись на изреченія какого-то домашняго философа.

— Прямота — средство сильныхъ. Сила — средство прямоты. Средство...

— Прекрасная дипломатическая машина, — сдержанно похвалили американцы, — жаль, что у нея одного винтика не хватаетъ...

Другихъ источниковъ, на которые опиралась Германія во время переговоровъ и для мотивировки своихъ поступковъ, я не знаю, но полагаю, что полная поваренная книга, руководство къ изученію бальныхъ танцевъ и самоучитель выжиганія по дереву играли здѣсь не послѣднюю роль...

Арк. Буховъ.

«Мороженно!» Солнце! Воздушный бисквитъ!
Прозрачный стаканъ съ ледяною водою!
И въ міръ шоколада съ румяной зарею,
Въ молочныя Альпы мечтанье летитъ.

Но ложечкой звать, но умильно смотрѣть,
Чтобъ въ тѣсной бесѣдкѣ средь пыльныхъ акацій
Принять благосклонно отъ булочныхъ грацій
Въ затѣйливой чашечкѣ хрупкую снѣдь...

Подруга шарманки, появится вдругъ
Бродячаго ледника пестрая крышка,
И съ жаднымъ вниманіемъ смотритъ мальчишка
Въ чудеснаго холода полный сундукъ.

И боги не вѣдаютъ — что онъ возьметъ:
Алмазныя сливки иль вафлю съ начинкой,
Но быстро исчезнетъ подъ тонкой лучинкой,
Сверкая на солнцѣ, божественный ледъ!

О. Мандельштамъ.

Рис. А. Радакова.

ОПЫТНЫЙ ДОКТОРЪ.

Вильгельмъ II: — Это ужасно! Бѣдняжка Бельгія такъ слаба, ей нужна подушка съ кислородомъ, а онѣ всѣ на войнѣ, — придется взять простую. Но зато ужъ я ее буду лѣчить самъ, — по всѣмъ правиламъ науки.

ПАДЕНІЕ ПОДХОДЦЕВА*).

Разсказъ ***Арк. Аверченко.***

I.

Громовъ сказалъ толстому Клинкову:

— Меня безпокоитъ Подходцевъ.

— Да ужъ... успокоительнаго въ этомъ молодцѣ маловато.

— Клинковъ! Я тебѣ говорю серьезно: меня *очень* безпокоитъ Подходцевъ!

— Хорошо. Завтра я перерѣжу ему горло, и всѣ твои безпокойства кончатся.

— Какіе вы оба странные, право, — печально прошепталъ Громовъ. — Ты все время остришь съ самымъ холоднымъ, неласковымъ видомъ, Подходцевъ замкнулся и только и дѣлаетъ, что безпокоитъ меня. Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ мы неразлучно бокъ-о-бокъ живемъ всѣ вмѣстѣ, а еще не было болѣе гнуснаго, болѣе холоднаго времени.

Тонъ Громова поразилъ заплывшее жиромъ сердце Клинкова.

— Дѣточка, — сказалъ онъ, цѣлуя его гдѣ-то между ухомъ и затылкомъ, — можетъ быть, мы оба и мерзавцы съ Подходцевымъ, но зачѣмъ ты такъ безжалостно освѣщаешь это прожекторомъ твоего анализа?.. Въ самомъ дѣлѣ — что ты подмѣтилъ въ Подходцевѣ?

Опрокинувъ голову на подушку и заложивъ руки за голову, Громовъ угрюмо проворчалъ:

— Такъ-таки ты ничего и не замѣчаешь? Гм!.. Знаешь ли ты, что Подходцевъ послѣднее время каждый день мѣняетъ воротнички, вчера разбранилъ Митьку за то, что тотъ якобы плохо вычистилъ ему платье, а нынче... Знаешь ли, что онъ выкинулъ нынче?

— И знать нечего, — ухмыльнулся Клинковъ, втайнѣ серьезно обезпокоенный. — Навѣрное, выкинулъ какую-нибудь глупость. Отъ него только этого и ожидаешь.

— Да, братъ... это уже верхъ! Нынче утромъ подходитъ онъ ко мнѣ, сталъ этакъ въ полъ-оборота, рожа красная, какъ буракъ, и говоритъ этакимъ псевдо-небрежнымъ тономъ, будто кстати, молъ, пришлось: «А что, старикашка Громовъ, нѣтъ ли у тебя лиловаго шелковаго платочка для пиджачнаго кармана?». А когда я тутъ же, какъ снопъ, свалился съ постели и пытался укусить его за его глупую ногу, онъ вдругъ этакъ по-балетному приподнимаетъ свои брючишки и лепечетъ тамъ, наверху: «Видишь ли, Громовъ, у меня чулки нынче лиловые, такъ нужно, чтобы и платочекъ въ пиджачномъ карманѣ былъ въ тонъ». Тутъ ужъ я не выдержалъ: завылъ, зарычалъ, схватилъ сапожную щетку, чтобы почистить его лиловые чулочки, но онъ испугался, вырвался и куда-то убѣжалъ. До сихъ поръ его нѣтъ.

— Чортъ возьми! — пролепеталъ ошеломленный этимъ страшнымъ разсказомъ Клинковъ. — Чортъ возьми... Повѣяло какимъ-то нехорошимъ вѣтромъ. Мы, кажется, вступили въ періодъ пассатовъ и мусоновъ. Громовъ... Что ты думаешь объ этомъ?

— Думаю я, братецъ ты мой, такъ: изъ вычищеннаго платья, лиловыхъ чулковъ и шелковаго платочка слагается совершенно опредѣленная грозная вещь — баба!

— Что ты говоришь?! Настоящая баба изъ приличнаго общества?!

— Да, братецъ ты мой. Изъ того общества, куда насъ съ тобой и на порогъ не пустятъ.

— Кого не пустятъ, а кого и пустятъ, — хвастливо подмигнулъ Клинковъ. — Меня, братъ, однажды цѣлое лѣто принимали въ семьѣ одного статскаго совѣтника.

— Ну, да, но какъ принимали? Какъ пилюлю: сморщившись. Мнѣ, конечно, въ былое время приходилось вращаться въ обществѣ...

— Ну, много ли ты вращался? Какъ только приходилъ куда — сейчасъ же тебѣ придавали вращательное движеніе съ лѣстницы.

— Потому что разнюхивали о моей съ тобой дружбѣ.

— Дружба со мной—это было единственное, что спасало тебя отъ побоевъ въ приличномъ обществѣ. «Это какой Громовъ? — спрашиваетъ какой-нибудь графъ. — Не тотъ ли, до дружбы съ которымъ снисходитъ знаменитый Клинковъ? О, въ такомъ случаѣ, не бейте его, господа. Выгоните его просто изъ дому». Что касается меня, то я въ какомъ угодно салонѣ вызову восхищеніе и зависть.

*) См. разсказы: „Молодость", „Дуракъ", „Электричество въ воздухѣ", „Буржуазная пасха" и др.

II.

— Напримѣръ, въ «салонѣ для стрижки и бритья,»—раздался у дверей новый голосъ.

Прислонившись къ косяку, стоялъ оживленный, со сверкающими глазами Подходцевъ.

Громовъ и Клинковъ принялись глядѣть на него долго и пронзительно.

Переваливаясь, Громовъ подошелъ къ новоприбывшему, поглядѣлъ на кончикъ лиловаго шелковаго платочка, выглядывавшій изъ бокового кармана, и, засунувъ этотъ кончикъ глубоко въ карманъ, сказалъ:

— Смотри, у тебя платокъ вылѣзъ изъ кармана.

Подходцевъ пожалъ плечами, подошелъ къ зеркалу, снова аккуратно вытянулъ уголокъ лиловаго платочка и съ искусственной развязностью обернулся къ друзьямъ.

— Что это вамъ пришло въ голову разсуждать о свѣтской жизни?

— Потому что мы въ духовной ничего не понимаемъ, — рѣзко отвѣчалъ Клинковъ, снова сваливаясь на кровать.

Легъ и Громовъ (это было обычное положеніе друзей подъ роднымъ кровомъ). И только Подходцевъ крупными шагами носился по громадной «общей» комнатѣ.

— Подойди-ка сюда, Подходцевъ, — страннымъ голосомъ сказалъ Клинковъ.

— Чего тебѣ?

— Опять уголочекъ платка вылѣзъ. Постой, я поправлю... Э, э!.. Позволь-ка, братъ... А ну-ка, нагнись. Такъ и есть! Отъ него пахнетъ духами!!! Какъ это тебѣ нравится, Громовъ?

— Проклятый подлецъ! — донеслось съ другой кровати звѣриное рычаніе.

И снова всѣ замолчали. Снова зашагалъ смущенный Подходцевъ по комнатѣ, и снова четыре инквизиторскихъ сверкающихъ глаза принялись сверлить спину, грудь и лицо Подходцева.

— Ффу! — фыркнулъ, наконецъ, Подходцевъ. — Какая, братцы, тяжелая атмосфера... Въ чемъ дѣло? Я васъ, наконецъ, спрашиваю: въ чемъ же дѣло?!

Молчали.

И прожигаемый четырьмя горящими глазами, снова заметался Подходцевъ по комнатѣ.

Наконецъ, не вытерпѣлъ.

Сложилъ руки на груди, повернулся лицомъ къ лежащимъ и нетерпѣливо сказалъ:

— Ну, да хорошо! Если угодно, я вамъ могу и сообщить, мнѣ стѣсняться и скрытничать нечего... Хотите знать? Я женюсь! Довольны? На-те вамъ, получайте!

Оглушительный ударъ грома бабахнулъ въ открытое окно, и бѣлыя ослѣпительныя молніи заметались по комнатѣ. А между тѣмъ небо за окномъ было совершенно чистое, безъ единаго облачка. И зловѣщая тишина воцарилась послѣ этого... надолго.

— Что жъ... женись, женись, — пробормоталъ Клинковъ, тщетно стараясь придать нормальный видъ искривленнымъ губамъ. — Женись! Это будетъ достойное завершеніе всей твоей подлой жизни.

— А что, Подходцевъ, — спросилъ Громовъ, разглядывая потолокъ. — У васъ, навѣрное, когда ты женишься, къ чаю будутъ вышитыя салфеточки?

— Что за странный вопросъ! — смутился Подходцевъ. — Можетъ, будутъ, а можетъ, и нѣтъ.

— И дубовая передняя у васъ будетъ, — вставилъ Клинковъ. — И гостиная съ этакой высокой лампой?

— А на лампѣ будетъ красный абажуръ изъ гофрированной бумаги, — подхватилъ Громовъ.

Клинковъ не захотѣлъ отъ него отстать:

— И тигровая шкура будетъ въ гостиной. На окнахъ будутъ висѣть прозрачныя гардины, а на столѣ раскинется пухлый альбомъ въ плюшевомъ переплетѣ съ семейными фотографіями.

— А мы придемъ съ Клинковымъ и начнемъ сморкаться въ кисейныя гардины.

— А въ альбомъ будемъ засовывать окурки!..

— И вступимъ въ связь съ твоей горничной!

— А я буду драть твоихъ дѣтей, какъ сидоровыхъ козъ. Какъ только ты или твоя жена (madame Подходцева, ха, ха — скажите, пожалуйста!), какъ только вы отвернетесь, я сейчасъ же твоему ребенку по мордѣ — хлопъ!

— Небось и елку будешь устраивать, — криво усмѣхнулся Клинковъ.

— Я твоимъ дѣтямъ на елочку принесу и подарочки: медвѣжій капканъ и динамитный патронъ — пусть себѣ дитенокъ играетъ.

— А ты думаешь, Громовъ, что у него дѣти будутъ долговѣчны? Едва ли. Появится на свѣтъ младенчикъ Божій, да какъ глянетъ, кто его на свѣтъ произвелъ, такъ сразу посинѣетъ, подниметъ кверху скрюченныя лапки, да и духъ вонъ.

— Да нѣтъ, не бывать этому браку!—съ гнѣвомъ воскликнулъ Громовъ.—Начать съ того, что я разстрою всю свадьбу! Переодѣнусь въ женское платье, пріѣду въ церковь, да какъ пойдете вы къ вѣнцу — такъ и закачу истерику: «Подлецъ ты», скажу. «Соблазнилъ меня, да и бросилъ съ ребенкомъ!».

— А я буду ребенкомъ, — некстати подсказалъ огромный толстый Клинковъ. — Буду хвататься ручонками за твои брюки и буду лепетать: «папоцка, папоцка, я хоцу кусать».

— Попробуй, — засмѣялся Подходцевъ. — Я тебя накормлю такъ, что ногъ не потянешь.

И опять, попрежнему, зашагалъ Подходцевъ, и опять долго молчали лежащіе.

III.

Гдѣ-то между двумя подушками, гдѣ лежала голова Громова, послышался тихій стонъ:

— Подходцевъ, серьезно, женишься?

— Серьезно, братцы... Ей Богу. Надо же.

— Подходцевъ! Не женись, пожалуйста.

— Вотъ, ей Богу, какіе вы странные! Какъ же такъ можно не жениться?..

— Подумай ты только, — подхватилъ Клинковъ. — Съ нами ты живешь — что хочешь, дѣлай. Затѣялъ ты легкую интрижку — пожалуйста! Мы тебѣ поможемъ. Напился ты пьянъ — сдѣлай одолженіе! И мы отъ тебя не отстанемъ.

— Пожалуй, и перегонимъ, — подтвердилъ Громовъ.

— Ну, вотъ видишь. А жена! Ты думаешь, это шутка — жена? Да вы лучше меня спросите, братцы, что такое жена!

— Ты-то откуда знаешь?

— Я-то? Я, братцы, все этакое знаю.

— Развѣ ты былъ женатъ?

— Собственно, говоря... какъ на это взглянуть. Если хотите, то... Да ужъ, что тамъ говорить — знаю! Пришелъ пьянъ — бацъ лампой по головѣ! Завелъ интрижку — бацъ тарелкой по спинѣ. Сидишь дома — нервы, вышелъ изъ дому — истерика. А въ промежуткахъ — то у нея любовникъ сидитъ, то она платье переодѣваетъ, то ей какое-нибудь тамъ кесарево сѣченіе нужно дѣлать.

— Странное у тебя представленіе о семейной жизни.

— Да ужъ, повѣрь, братъ, настоящее!

— Постой, Клинковъ, не трещи, — остановилъ его солидный Громовъ. — А не приходило тебѣ въ голову, Подходцевъ, такое: просыпаешься ты утромъ послѣ свадьбы, — глядь, а сбоку чужая женщина лежитъ. И самъ ты не замѣтилъ, какъ она завелась. То да се — хочешь ты къ намъ удрать — «нѣтъ-съ, говоритъ, постойте! Я твоя, мужняя, жена и ты изъ моихъ лапъ не вырвешься». Ты въ кабинетъ— она за тобой; ты на улицу — она за тобой. Ночью пошелъ въ какой-нибудь чуланчикъ, гдѣ грязное бѣлье складывается, — чтобы хоть на полчаса одному побыть — не тутъ-то было! Открывается дверь, и чей-то голосъ пищитъ: «Ты тутъ, Жанчикъ? Что же ты отъ меня ушелъ? Ну, я тутъ съ тобой посижу! Зачѣмъ ты меня одну бросилъ, Жанчикъ?» Ну, конечно, ты ей возразишь: «Да вѣдь двадцать-то пять лѣтъ ты жила же безъ меня, дрянь ты этакая?! Почему же сейчасъ безъ меня минутки не можешь?» — «Нѣтъ, Жанчикъ, — скажетъ она, — было бы тебѣ на мнѣ не жениться... Разъ женился — такъ тебѣ и надо!» Повѣситься захочешь, и то не дастъ — изъ петли вынетъ, да еще поколотитъ оставшейся свободной веревкой: «Какъ, дескать, смѣлъ, паршивецъ, вдову безъ прокормленія оставлять!» (Пауза.) Подходцевъ!

— Ну? — пріостановился Подходцевъ.

— Не женишься? — робко спросилъ Громовъ, считая почву достаточно подготовленной.

— Женюсь! — вздохнулъ Подходцевъ. — Жалко мнѣ васъ, но что же дѣлать... женюсь! А который теперь часъ?.. Ой-ой... Пять! А мы въ половинѣ шестого должны кататься. Друзья! До свиданья! Цѣлую васъ мысленно.

— Подавись ты своими поцѣлуями.

— Громовъ! Можно надѣть твой сѣрый жилетъ?

— Нельзя. Онъ мнѣ сейчасъ будетъ нуженъ.

— Для чего?

— Чернилами буду обливать.

— Гм!.. Ну, прощайте, братцы. Богъ съ вами.

Клинковъ поманилъ его пальцемъ.

— А подойди-ка... Видишь, какой ты неаккуратный: кончикъ платка опять вылѣзъ.

— Оселъ ты пиринейскій, — завопилъ Подходцевъ. — Да вѣдь такъ же и нужно, чтобы онъ торчалъ. А ты его уже въ третій разъ засовываешь.

Клинковъ уткнулся въ подушку, и плечи его запрыгали: неизвѣстно было — смѣялся онъ или плакалъ?

Стараясь не встрѣчаться взглядомъ съ оставшимися, Подходцевъ вышелъ въ двери какъ-то бокомъ, виновато.

IV.

По уходѣ его Клинковъ тяжело всталъ съ кровати, подошелъ къ зеркалу и съ плаксивой миной сталъ разглядывать себя.

— Клинище! Что это съ тобой? Охота тебѣ всякую дрянь разглядывать! Ужъ не думаешь ли и ты жениться?..

— Знаешь, что я сейчасъ почувствовалъ, Громовъ? — обернулся къ нему Клинковъ, и углы губъ его передернулись.

— Ну?

— Старѣемъ, братъ, мы... Подходцевъ женится, а у меня уже сѣдые волосы на вискахъ появились.

— А съ ребрами благополучно?

— Съ какими ребрами?

— Бѣса въ ребрѣ не ощущаешь?

— Какого бѣса?

— Ну, говорятъ же: сѣдина въ бороду, а бѣсъ... и такъ далѣе.

Клинковъ кротко, печально улыбнулся.

— Не острится нынче что-то...

— Голова не тѣмъ наполнена.

— Ну, въ отношеніи себя ты преувеличиваешь.

— Почему?

— Она у тебя ничѣмъ не наполнена.

— Нѣтъ, Клинковъ, — улыбнулся Громовъ еще печальнѣе, чѣмъ давеча Клинковъ. — И у тебя ничего не получается. Не остри, братъ.

— Плохо вышло?

— Чрезвычайно.

— Да, дѣйствительно. Что-то не то...

И долго сидѣли такъ, осиротѣвшіе, каждый на своей постели, пока не окутали ихъ синія сумерки...

Аркадій Аверченко.

Рис. В Лебедева.

Рис. Ре-ми.

П. Б. Струве.

Я БУДУ ЛЫСЫМЪ!

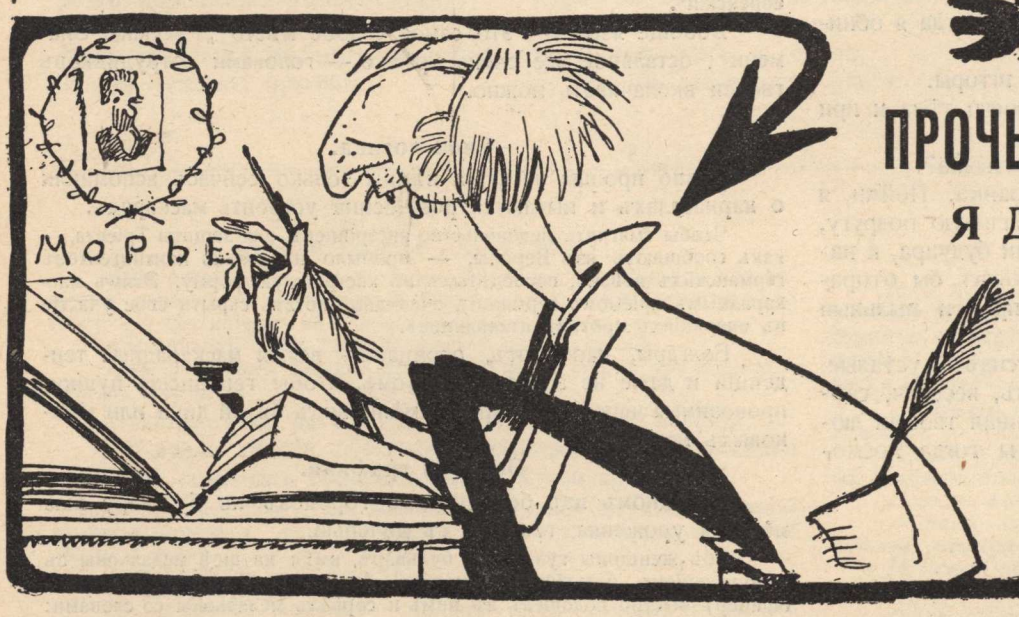
(Новая шовинистическая мазь профессора П. Б. Струве, безболѣзненно удаляющая волосы.)

Выступленія П. Б. Струве по украинскому вопросу приняли характеръ явно шовинистическій.

(Изъ газетъ.)

ДО **УПОТРЕБЛЕНІЯ** **ПОСЛѢ**

В. М. Пуришкевичъ.



ПРОЧЬ ЛОЖНЫЙ СТЫДЪ!!

Я ДОЛГО СТРАДАЛЪ!!

ЭНЕРГИЧНЫЙ молодой человѣкъ, владѣющій литературнымъ слогомъ, ищетъ вечернихъ занятій. Разстояніемъ и условіями не стѣсняется.

Адресъ: **Редакція „Мухоморье“.**

Спросить у сторожа Ивана.

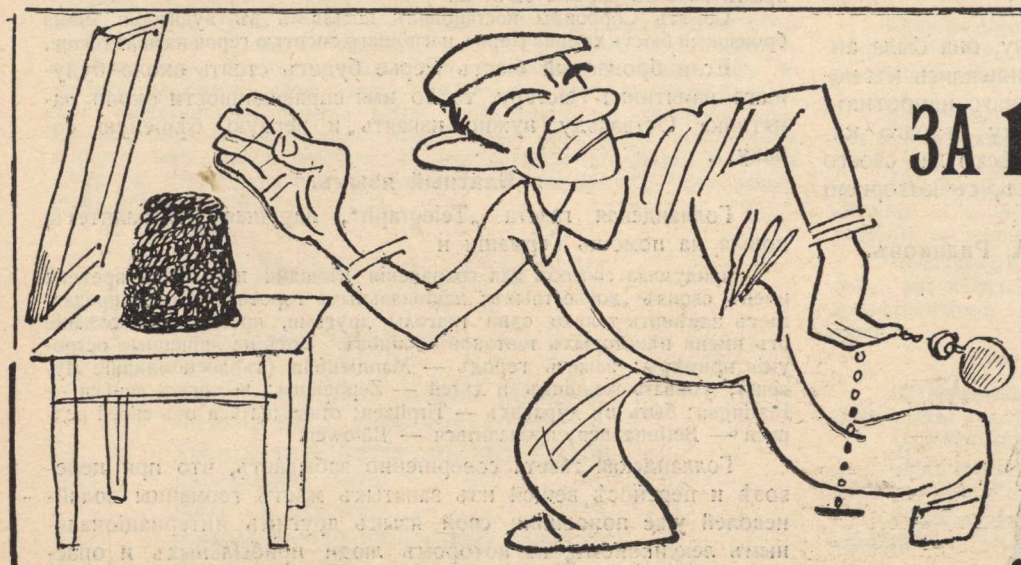
Всѣми любимъ!!

ДАЮ СОВѢТЪ ЗА ДВѢ 7-КОП. МАРКИ:

Какъ фунтъ ливонскаго мяса превратить въ пять фунтовъ черкасскаго.

Ревностный членъ Вегетаріанскаго общества

ПУЗЫРЕВЪ.



ЗА 1 РУБЛЬ 25 КОП.

ВЫСЫЛАЮ Барашковую шапку 84-й пробы, настоящіе золотые часы американскаго золота, носовой платокъ, почти чистый, перчатку на правую руку, а также окончаніе „Ямы“ Куприна и „Ключей счастья“ Вербицкой.

Графъ Амори.

Рис. А. Р.

ЕЯ СИЛА.

(Посвящается, конечно, женщинамъ.)

— Зачѣмъ ты вѣчно возишься съ этими противными гирями и такъ мало— со мной? . .

— Для того, чтобы исправить недостатки своего тѣла.

— Для этого есть портные. Посмотри на меня, не правда ли, я идеально сложена, но портнихѣ извѣстны кое-какія тайны.

— Да, но я хочу не стыдиться своего тѣла, когда я обнимаю тебя, и не хочу стѣсняющихъ одеждъ.

— Можно потушить огонь или опустить шторы.

— Но я хочу, чтобы мы не стыдились своего тѣла и при яркомъ блескѣ солнца . . .

— Неужели ты думаешь, что я такъ безстыдна?!

— О, ты не поймешь меня . . . ты куртизанка. Пойми, я хочу быть сильнымъ и я хочу взять себѣ сильную подругу, съ выносливымъ тѣломъ, красивую не тайнами будуара, а настоящей силой, подругу, съ которой я не боялся бы отправиться въ дальній путь, переплыть рѣки, пройти пыльныя дороги . . .

— Смѣшной! . . И вотъ, когда вы будете сидѣть, усталые, потные и пыльные, я подъѣду на автомобилѣ, веселая, свѣжая, напудренная, съ яркими губами, надушенная твоими любимыми духами . . . Посмотримъ, на кого ты тогда посмотришь.

ЧУДО.

— Почему ты такъ радостенъ?!

— О, я видѣлъ сегодня настоящее чудо. Такое чудо, что мнѣ опять захотѣлось жить. Я видѣлъ прекрасную женщину. Ея стройныя, бѣлыя ноги были голы, потому что она продала свои башмаки, чтобы купить розъ для своего возлюбленнаго, на рукахъ она держала чуднаго, веселаго ребенка, а уста ея произносили молитву-пѣснь, за гордыхъ и сильныхъ . . . А ты почему такой грустный?!

— Я сегодня видѣлъ прекрасную женщину, она была ангельски хороша. Ноги ея подъ столомъ прикасались къ ногамъ молодого человѣка, ея любовника, сидящаго напротивъ; рука ея тайкомъ гладила сморщенную руку стараго камергера, у котораго она хотѣла выпросить мѣсто для своего любовника, а уста ея лгали мужу о раненыхъ, съ которыми она якобы проводитъ всѣ вечера.

А. Радаковъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Принцъ безъ насѣкомыхъ.

Всякая аттестація хороша своей краткостью и ясностью.

„Berliner Tageblatt“ разсказываетъ на основаніи свѣдѣній изъ главной квартиры восточнаго фронта, что прежде, чѣмъ отправиться назадъ въ Берлинъ, принцу было выдано слѣдующее проходное свидѣтельство:

„Настоящимъ удостовѣряемъ, что его королевское высочество принцъ Адальбертъ Прусскій былъ подвергнутъ дезинфекціи и отнынѣ можетъ считаться очищеннымъ отъ насѣкомыхъ“.

На краешкѣ навѣрное было приписано торопливой рукой: „другихъ примѣтъ не имѣется“.

Лингвисты.

Страна увлечена міровой борьбой. Гдѣ-то кровь, гдѣ-то человѣческія усилія, направленныя къ побѣдѣ, гдѣ-то живыя души, а въ вонючей норѣ „Русскаго Знамени“ все еще пахнетъ разлагающейся крысой. Газета открываетъ:

„Невольно рождается смѣлое предположеніе, не есть ли такъ называемый нѣмецкій языкъ, вотъ тотъ самый, который мы изучаемъ въ гимназіяхъ, реформированный изъ древне-еврейскаго языка ново-еврейскій“.

Вообще языкъ — это самое слабое мѣсто „Русскаго Знамени“; остальное все очень крѣпко — головами сотрудниковъ гвозди вколачивать можно.

Своя логика.

Давно прошла весна, а нѣмцы только сейчасъ вспомнили о карнавалахъ и пытаются post-factum устроить маскарадъ.

Чтобы смягчить недовольство австрійцевъ, для защиты Тріента, — какъ сообщаютъ изъ Вероны, — прибыло нѣсколько контингентовъ германскихъ войскъ, переодѣтыхъ въ австрійскую форму. Этимъ маскараднымъ пріемомъ германцы, очевидно, хотятъ скрыть свое участіе въ операціяхъ противъ итальянцевъ.

Болгары, наоборотъ, отрицаютъ всякія маскарадныя тенденціи и даже не заботятся о томъ, чтобы германскія пушки, провозимыя черезъ Болгарію, имѣли видъ битой дичи или шелковыхъ матерій.

Оселъ и графиня.

Въ одномъ изъ бельгійскихъ городовъ по бульвару шла мѣстная уроженка, графиня съ дочерью.

Обѣ женщины гуляли на бульварѣ, имѣя на шеѣ медальоны съ изображеніемъ бельгійскаго короля Альберта. Встрѣтившійся имъ офицеръ быстро подошелъ къ нимъ и сорвалъ медальоны со словами: „Долой короля безъ королевства“.

Графиня подобрала медальоны и отвѣтила: „Мы, бельгійцы, предпочитаемъ короля безъ королевства императору безъ чести“.

— Странно... О комъ это они говорятъ? — удивился офицеръ, — нелѣпая затѣя говорить въ военное время загадками...

Каждому свое.

Каждый заслуживаетъ награды по разумѣнію своему. Нѣмецкій профессоръ Оствальдъ, поработавшій надъ примѣненіемъ газовъ для удушенія живыхъ людей, получилъ высокую ученую степень и пожизненный памятникъ.

Французскіе ученые Матиньонъ и Перье заслужили награды при другихъ обстоятельствахъ.

Когда французскіе пѣхотинцы пошли въ атаку, вмѣстѣ съ ними бросились и Матиньонъ и Перье, но вмѣсто винтовокъ въ рукахъ у нихъ были особые приборы для улавливанія ядовитыхъ газовъ. Когда надъ штурмующими французами поплыли тяжелые клубы ядовитыхъ бурыхъ газовъ, химики начали свою работу.

Вернулся съ поля боя лишь Матиньонъ, Перье же остался среди убитыхъ. Профессоръ изслѣдовалъ составъ ядовитыхъ газовъ и открылъ способъ борьбы съ ними.

Совѣтъ Сорбонны постановилъ поставить въ аудиторіи Дюма бронзовый бюстъ химика Перье, погибшаго смертью героя на полѣ брани.

Если бронзовый бюстъ Перье будетъ стоять около будущаго памятника Пастеру, то во имя справедливости около памятника Оствальду нужно изваять и первую бѣшеную собаку...

Блатный языкъ.

Голландская газета „Telegraph“, нарушая нейтралитетъ, пошла на помощь Германіи и

придумала способъ для сохраненія нѣмцами на вѣчныя времена именъ своихъ „доблестныхъ“ національныхъ героевъ. Газета предлагаетъ замѣнить только одни глаголы другими, производя послѣдніе отъ имени нѣкоторыхъ тевтоновъ-воиновъ. Вотъ не лишенные остроумія примѣры: зажечь городъ — Mannteufeln (въ воспоминаніе Лувена); убивать женщинъ и дѣтей — Zeppelinen; вымогать деньги — Bissingen; быть въ дуракахъ — Tirpitzen; отказываться отъ своей подписи — Bethmannen; провалиться — Bülowen.

Голландская газета совершенно забываетъ, что при перевозѣ и переносѣ вещей изъ занятыхъ мѣстъ германцы волей-неволей уже пополнили свой языкъ другимъ интернаціональнымъ лексикономъ, на которомъ люди прибыльныхъ и опасныхъ профессій изъясняются легко и свободно.

Рис. А. Радакова.

ГОРОДСКАЯ ЛЮБОВЬ.

О любовь недѣли на три
Встрѣча первая въ театрѣ,
На «Таисъ» иль «Клеопатрѣ»,
Незадолго до конца.
Ликъ игривый въ нимбѣ свѣта,
Мигъ знакомства у буфета,
Мигъ прощанья въ часъ разсвѣта,
Возлѣ чуждаго крыльца.

Муки-ласки, ласки-казни,
Рѣчь де-Кока гривуазнѣй,
Хмѣль искусственной боязни
Предъ запретною межой.
Странный бредъ: съ истомой въ тѣлѣ
Пробудиться на постели,
Неуютной, какъ въ отелѣ,
Рядомъ съ женщиной чужой.

Вдругъ увидѣть: отблескъ лампы,
Незнакомые эстампы
И вблизи, какъ въ свѣтѣ рампы,
Чуждой груди кровь и снѣгъ.
Вздрогнуть. Вспомнить флиртъ въ театрѣ
На «Таисъ» иль «Клеопатрѣ»...
О любовь недѣли на три,
Ядъ пьянящій краткихъ нѣгъ!

Эммануилъ Германъ.

Еще о гибели „Лузитаніи".

Какъ оказывается, погибшій на „Лузитаніи" милліардеръ Вандербильдъ сознательно пожертвовалъ своей жизнью для спасенія какой-то старушки, для которой не нашлось спасательнаго пояса.

Вандербильдъ снялъ съ себя поясъ и надѣлъ на нее.

Онъ не умѣлъ плавать и, отдавая поясъ, зналъ, что обрекаетъ себя на гибель.

Вѣчные цвѣты на его громадную, холодную могилу!..

Во время гибели „Лузитаніи" экипажъ подводной лодки все время сохранялъ бодрое жизнерадостное настроеніе:

По словамъ спасшагося американца Синделя, тонущіе пассажиры слышали возгласы „Hoch!", раздавшіеся съ германской подводной лодки, и крики:

— Что же вы не поете „Tipperary"?

И подумать только: сколько лѣтъ русскій человѣкъ жилъ съ такими скотами бокъ-о-бокъ? И ничего. Терпѣливъ и небрезгливъ русскій человѣкъ до чрезвычайности.

Интересные люди.

Есть такіе веселые, занимательные люди, жизнь которыхъ до того интересна что, даже ставши предметомъ судебнаго разбирательства, — она навѣваетъ сладкій сонъ на присяжныхъ и никакъ не можетъ заставить ихъ проснуться...

Въ сенатѣ вторично разсматривалось въ кас. порядкѣ дѣло пот. поч. граж. Павловича, при чемъ въ обоихъ случаяхъ основаніемъ къ отмѣнѣ приговора указывалось то, что *присяжные засѣдатели во время разбора дѣла спали.* Павловичъ обвинялся въ подлогѣ векселей. При первомъ разбирательствѣ прис. засѣдатели оправдали Павловича, но сенатъ приговоръ отмѣнилъ въ виду того, что *нѣкоторые изъ присяжныхъ засѣдателей спали.* При вторичномъ разбирательствѣ Павловичъ былъ осужденъ. На этотъ приговоръ со стороны осужденнаго была принесена касац. жалоба, при чемъ въ ней приводились слѣдующіе курьезные факты. Когда судъ сталъ оглашать указъ сената объ отмѣнѣ приговора, *то одинъ изъ прис. засѣд. задремалъ,* и когда предсѣдатель, читавшій этотъ указъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ говорилось, что *присяжные засѣдатели спали, задремавшій присяжный засѣдатель, проснувшись,* неожиданно поднялся и произнесъ: *„Кто спитъ? Тутъ никто не спитъ!".* Когда началъ свою рѣчь защитникъ, то присяжные засѣдатели *почти всѣ погрузились въ сонъ,* въ виду чего адвокатъ заявилъ, что при такихъ условіяхъ онъ не можетъ продолжать свою рѣчь. Предсѣдатель тѣмъ не менѣе предложилъ защитнику закончить. Послѣ рѣчи защитника старшина присяжныхъ засѣдателей заявилъ предсѣдателю, что *„если защитники будутъ такъ много говорить,* то когда мы будемъ отдыхать?! Вѣдь завтра въ 9 час. утра намъ необходимо явиться въ судъ для исполненія обязанностей".

МОЕМУ СЫНУ.

Безъ пробирнаго знака
Брака
Материнство, мы знаемъ, позорно.
Потому-то, о, сынъ мой, безспорно
Ты и долженъ пасть въ ноги судьбѣ,
Даровавшей тебѣ
Мать съ отцомъ,
Узаконившихъ срамъ свой вѣнцомъ.

Щ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Весь міръ объятъ страшной войной... А Рюрикъ Ивневъ въ „Синемъ Журналѣ" откопалъ для своего разсказа такую героиню, которая ни въ какое — ни въ мирное, ни въ военное время — не возможна. Это — какая-то Ксенія, которая ухитряется любить сразу двухъ мужчинъ:

„— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу такъ. Это не то, — вскрикнулъ Левушка. — Какъ вы сами этого не понимаете?

Ксенія Судто пустыми невидящими глазами посмотрѣла на Левушку, подошла къ нему и крѣпко поцѣловала его въ губы.

Потомъ подошла къ Владиміру и сказала:

— Вамъ это непонятно? Тогда считайте меня просто падшей, жалкой женщиной.

И Ксенія поцѣловала его твердыя, холодныя губы..."

. . . . . .

Совсѣмъ какъ нѣмцы, которые, пока что, ухитряются воевать на два фронта

Скучно теперь стали писать. Тошнехонько.

*

Можно ли, въ концѣ концовъ, хоть когда-нибудь привыкнуть къ стилю „Петроградской Газеты"?

Отрывокъ рецензіи:

„Квартетъ г. Канкаровича (это изъ пяти-то человѣкъ!), *переодѣтый капуцинами, весьма музыкально исполняетъ серьезную музыку (?!).*

Въ негритянскомъ тріо живѣе всѣхъ женщина, представляющая большой темпераментъ".

Вѣроятно, и рецензію эту писала на своемъ родномъ языкѣ негритянская женщина, представляющая большой темпераментъ.

*

„Синій Журналъ" груститъ о быломъ. Прошлое ему представляется въ такихъ формахъ быта:

„Въ былое время, когда дама извлекала блоху изъ корсажа, она приказывала камеристкѣ изготовить чистый платокъ и начинала плакать. Наплакавшись вдосталь, она убивала блоху собственноручно, что, впрочемъ, портило ей настроеніе на цѣлый день".

Судя по характеру теперешняго „Синяго Журнала", такая охота ему, наоборотъ, должна была бы доставить извѣстное нравственное удовлетвореніе и удовольствіе.

*

Фельетонистъ „Голоса Умани" г. Знакомый возмущается тѣмъ, что уманскія дамы водятъ съ собою въ театръ собакъ.

„У подножія моего кресла, — жалуется онъ, — *расположилась не малыхъ размѣровъ собака, которая нѣжно ласкалась ко мнѣ. Она получила, видно, воспитаніе и поняла, что громко ревѣть въ театрѣ не полагается..."*

Повидимому, въ Умани только однѣ эти странныя ревущія собаки получаютъ воспитаніе, а заняться воспитаніемъ уманскихъ фельетонистовъ и научить ихъ грамотѣ — увы! — очевидно, некому...

*

М. Меньшиковъ пишетъ въ „Голосѣ Руси" о двухъ какихъ-то генералахъ, а затѣмъ объ ихъ женахъ.

О послѣднихъ пишетъ такъ:

„Ихъ женъ не помню барышнями, но чувствуется (?), что онѣ ими были".

Вотъ это чутье! Старый человѣкъ Меньшиковъ, а все еще чувствуетъ!

Рис. Миссъ.

— Ахъ, мама, какъ бы я желала, чтобы англичане и французы намъ объявили войну!

— Что ты, милая! Почему?

— Теперь папа отмѣнилъ нѣмецкіе уроки, а тогда бы отмѣнилъ французскіе и англійскіе.

Вниманію подписчиковъ!

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала, покорнѣйше просимъ лицъ, уплатившихъ за полгода, озаботиться высылкой слѣдующаго взноса

до 1 іюля с. г.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА".

(Непринятыя рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Б. П. — Не подошло.

М. М. Лих—ву. — Пародія не подошла.

Евгенію Голубовскому.—г. О Джэку.—Ridens'у.—Г. О. Резу.— Не подошло.

Б. Москва.

Б—лю. М. Bob'у. — Не подошло.

В. Провинція.

Одесса. — *А. Г* — Рисунки не подошли.

Ялта. — *„Декаденту и футуристу".* — Очень плохо.

Херсонъ. Гуторовичу. — *Могилевъ. г. „Недолэнга".* — *Симбирскъ. Е. Гор-ну.* — *Одесса. Энмару.* — *Казань. Бочкареву.* — *Пенза. В. Страхову.* — *Вахрушево, Семенову.* — *Митава. Сашѣ.* — *Александровскъ, Рудеву.* — *Одесса. Гарри Бергу.* — Все присланное не подошло.

Ave.

Редакторъ **А. Т. Аверченко.**
Издатель **Т-во „Н. Сатириконъ".**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 годъ

3-й годъ изданія — на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА — **3**-й годъ изданія

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ".

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 НОМЕРА РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА. Журналъ печатается на плотной глазированной бумагѣ. Нѣкоторые номера въ 8—9 красокъ.

Въ теченіе года будетъ дано около 800 рисунковъ и карикатуръ; проза, стихи лучшихъ русскихъ литераторовъ и юмористовъ.

3 ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ: **3**

БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІИ:

1 ТОМЪ **БОРДОВАЯ КНИГА**

О ВОЙНѢ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДЕРЖАВЪ. (Причины войны. Кѣмъ она вызвана. Поведеніе Вильгельма. Подвиги нѣмцевъ. Австрійцы, какъ таковые. Теченіе войны — и проч.)

NB. Сатириконцы отнесутся къ „Бордовой книгѣ" съ подобающей серьезностью.

1 КНИГА-АЛЬБОМЪ **ОСИНОВЫЙ КОЛЪ**

НА МОГИЛУ ЗЕЛЕНАГО ЗМІЯ. Роскошно иллюстрированное изданіе. (Исторія пьянства въ Россіи. Типы пьяницъ. Борьба съ пьянствомъ и проч.)

1 КНИГА **ПИСЬМОВНИКЪ Нов. Сатирикона**

Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ, а также танцовальныхъ разговоровъ.

Изученіе этой книги явится лучшимъ способомъ для подписчика „Нов. Сатирикона" пріобрѣсти въ обществѣ такой вѣсъ и значеніе, которые вызовутъ въ окружающихъ восхищеніе и изумленіе, съ примѣсью легкой тревоги.

Журналъ будетъ выходить при участіи слѣд. сотрудниковъ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Н. Альтманъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Гранди, Григорьевъ, М. Добужинскій, М. И. Ивашинцева, Б. Кустодіевъ, Кузнецовъ, В. Лебедевъ, Миссъ, Дм. Митрохинъ, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), Н. Радловъ, А. Спасскій, Судейкинъ, С. Чехонинъ, О. Шарлеманъ, А. Юнгеръ (Баянъ), А. Яковлевъ и др.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко (Ave), В. Азовъ, Ал. Будищевъ, А. Буховъ, Л. М. Василевскій, Вл. Винкертъ, Ал. Вознесенскій, В. В. Воиновъ, Евг. Вѣнскій, Сергѣй Горный, А. С. Гринъ, И. Гуревичъ, Вал. Горянскій, Осипъ Дымовъ, Дальскій, Еф. Зозуля, А. Измайловъ, А. И. Куприпъ, А. П. Каменскій, В. Князевъ, Г. Ландау, К. Милль (Полярный), С. Михѣевъ, О. Мандельштамъ, М. Моравская, О. Л. Д'Оръ, Иванъ Куз. Прутковъ, П. Потемкинъ, А. Радаковъ, Б. Садовскій, гр. Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Топузъ, Дм. Цензоръ, Г. Чулковъ и др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи:		За границу:	
На годъ	6 р. 50 к.	На годъ	9 р. 75 к.
„ 1/2 г.	3 „ 25 „	„ 1/2 г.	4 „ 90 „
„ 3 мѣс.	1 „ 75 „	„ 3 мѣс.	2 „ 45 „
„ 1 мѣс.	— „ 60 „	„ 1 мѣс.	— „ 90 „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ 6 РУБ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 руб., къ 1-му іюня — 2 р. и къ 1-му сентября — 1 р. 50 к. Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особо льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ — 2 руб. и ежемѣс. каждое 1-е число по 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ — 15 коп.

Адресъ ред. и конт.: **Петроградъ, Невскій, 88,** Тел. 59-07.

Редакторъ: **Арк. Аверченко.** Издатель: **Т-во „Новый Сатириконъ".**

ш-I-Ф-7893

Гдѣ бываютъ артисты и писатели за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

Золотая медаль — Лондонъ, 1893 г.
Главный складъ у Г. Ф. Юргенсъ, Москва.

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА съ рисунками.

Фотографъ-любит., Анцова — 50 к. Ретушеръ-любит., Анцова — 30 к. Ретушь и раскрашиваніе фотографій — 60 к. Спутникъ фотографа, Давидъ — 1 р. Какъ исправ. неудачные негативы, Евдокимова — 50 к. Копированіе чертежей, Кольсонъ — 30 к. Химія фотографа, Конвицка — 30 к. Фотографическія бумаги, Ламтева — 65 к. Моментальная фотографія, Шмидтъ — 40 к. Фотографія для начинающихъ любителей, Шмидтъ — 60 к.

Пересылка 1 кн. — 18 к., 2 кн. — 22 к., 3 кн. — 26 к., 4 кн. — 30 к., 5 кн. — 34 к. Гал. плат. на 10 к. дороже. При заказѣ на 3 р. пересылка безплатно. Полный каталогъ высылается даромъ.

Фотографическимъ складамъ — издательская скидка.

Высылаетъ техническій книжный складъ М. ПЕТРОВА.
Петроградъ, Б.-Подъяческая ул., 19. ☆ Москва, Волхонка, 1 уг. Знаменки.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Трудовая жизнь (музеи).
(Изъ иллюстрацій въ книгѣ).

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе книги:

А. Аверченко.

Сатириконцы въ Европѣ.

Иллюстраціи А. Радакова.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.
7-е изданіе. — **Цѣна 1 р. 25 к.**

КРУГИ ПО ВОДѢ.
16-е изданіе. — **Цѣна 1 р. 25 к.**

ВОЛЧЬИ ЯМЫ.
Цѣна 50 коп.

ѲОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.
Цѣна 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.
6-е изданіе. — **Цѣна 1 р. 25 к.**

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.
Цѣна 1 руб. 25 коп.

И СТАЛО ТАКЪ.
6-е изданіе. — **Ц. 1 р. 25 к.**

КАРУСЕЛЬ.
3-е изданіе. * **Цѣна 1 р. 25 к.**

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразованіе“. Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

ФИЛОСОФСКАЯ СТРАНИЧКА.

№ 2.

(Противиться или не противиться?)

Рис. А. Радакова.

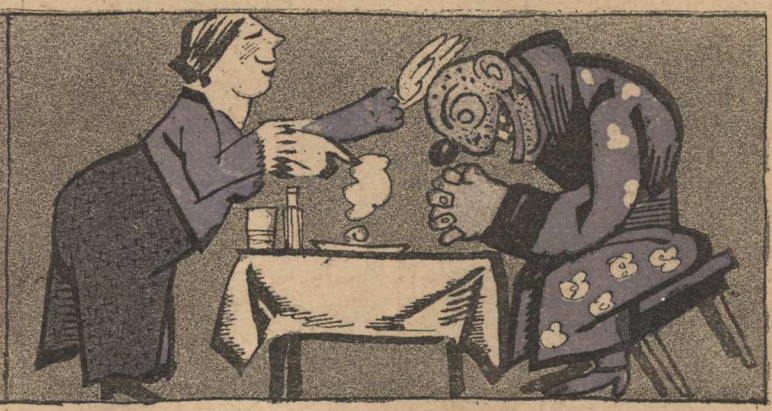
Этотъ всю жизнь противился,

А Тотъ всю жизнь не противился.

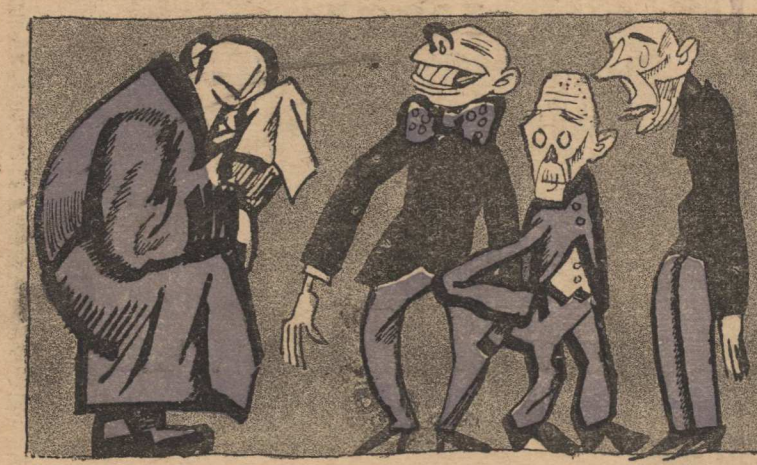
Этотъ не могъ оцѣнить всѣ качества своей уважаемой супруги, потому что онъ не зналъ недостатковъ другихъ женщинъ, о которыхъ онъ вѣчно думалъ. Это заставляло бѣдную женщину ревновать, подозрѣвать и т. д.

Въ рѣдкія минуты, когда Тотъ былъ со своей супругой, онъ и она были счастливы, потому что онъ любилъ въ ней то, чего не было въ другихъ женщинахъ, которыхъ онъ зналъ.

Обѣдая дома, Этотъ думалъ о лукулловскихъ пирахъ въ ресторанахъ, о моряхъ винъ и всякихъ пикантностяхъ, — и чудный домашній бульонъ казался ему отвратительнымъ. Это очень огорчало его бѣдную хлопотливую жену, которая даже разъ ударила его за это миской по головѣ.



Испортивши желудокъ на всевозможныхъ ресторанныхъ пикантностяхъ, Тотъ съ радостью подчинялся домашней діэтѣ, съ аппетитомъ ѣлъ все, что не пахло ресторанной кухней и огромнымъ счетомъ. Супруга была въ восторгѣ.



У Этого были очень неудачныя дѣти, такъ какъ онъ, не зная лично, что такое зло, не могъ охранить отъ него дѣтей. Изъ дѣтей получились изрядные выродки. Даже послѣ смерти всѣ ругали его: вотъ какихъ дѣтей пустилъ этотъ эгоистъ по свѣту!

Тотъ создалъ цѣлое поколѣніе здоровыхъ людей. Онъ поучалъ однимъ своимъ видомъ. Родители приводили къ нему своихъ дѣтей и говорили: „Будете развратны, — и вы такіе будете!“, и всѣ не хотѣли быть такими. Даже послѣ смерти онъ приносилъ пользу: его портретъ попалъ въ медицинскій учебникъ. и всѣ, кто видѣлъ его, старались не походить на него.

Ну что же — противиться или не противиться!?